

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1874.

В.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

Путевыя замѣтки о долинь средняго и нижняго Дуная.	
<i>А. Будиловича</i>	132
Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія	175

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Замѣтка о первоначальномъ преподаваніи греческаго языка.	
<i>Ем. Глобцова</i>	3
De clavo purpuræ, tunicae Romanæ ornamento. <i>Ernestus Schulze</i>	17
Значеніе и употребленіе желательнаго наклоненія греческаго глагола. (Окончаніе). <i>І. Гобзи</i>	22
Погребальныя обряды древнихъ Римлянъ. <i>А. Родонезская</i> .	61
Объ употребленія временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта. <i>С. Шафранова</i> . .	93
Борьба Демосеена съ Эскиномъ по поводу посольства къ Ма- кедонскому царю Филиппу II въ 346 году до Р. Х. <i>А. Фесенко- Навроцкая</i>	126

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЯДЫ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

(по Кирхманну.)

Въ предлагаемомъ очеркѣ погребальныхъ обрядовъ у древнихъ Римлянъ мы имѣли цѣль чисто *педагогическую*, а именно облегчить нѣсколько учениковъ при чтеніи латинскихъ авторовъ.

Какъ извѣстно, литература, особенно поэтическая, у каждого народа есть чистое и ясное зеркало его жизни съ религіей, нравами, обычаями и пр. Въ особенности древняя классическая поэзія есть рядъ картинъ и сценъ былой жизни. Часто въ отдѣльномъ стихѣ выражается или народное преданіе, или торжественный отголосокъ религіознаго гимна, либо живописный актъ изъ разнообразнаго и драматическаго ритуала древняго богослуженія. Творенія Гомера, Софокла, Аристофана, Вергилія, Горація, Овидія представляютъ богатую галерею картинъ изъ міеологіи, рядъ житейскихъ сценъ, обрядовъ и пр.

Очевидно, что разумное чтеніе такихъ авторовъ не мыслимо безъ знакомства съ жизнью классическихъ народовъ.

Такъ какъ человекъ проводитъ свою жизнь „при двойномъ свѣтѣ вѣнчальнаго и погребальнаго факеловъ — *inter faces nuptiales et funerales*“, — то и такихъ мѣстъ, гдѣ упоминаются *погребальные обряды* Римлянъ, разсѣяно у читаемыхъ въ гимназіи авторовъ весьма много ¹⁾.

По возможности полная картина римскихъ похоронъ, составленная на основаніи лучшихъ писателей, много поможетъ ученику. Здѣсь, въ этомъ очеркѣ, онъ найдетъ подробное объясненіе множества словъ, выраженій, пословицъ, относящихся къ траурной сторонѣ жизни, и которыхъ значеніе всегда будетъ темно или не полно безъ знакомства съ самими обрядами.

¹⁾ Въ нашемъ очеркѣ они указываются.

Прекрасный трудъ, которымъ мы пользовались при составленіи нашего очерка, заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ познакомиться. Въ этомъ трудѣ (Johanni Kirchmanni Lubecensis De funeribus Romanorum libri quatuor. Lubecae MDCXXV) собрано все, касающееся римскихъ погребальныхъ обрядовъ. Видно, что авторъ занимался этою стороною древней римской жизни съ особеннымъ увлеченіемъ. Позднѣйшіе изслѣдователи римскихъ древностей часто обращались къ труду Кирхманна, говоря объ этомъ предметѣ. Сочиненіе Кирхманна, написанное по-латинѣ, было издано 4 раза. Мы цитуемъ Любекское изданіе 1625 года, по экземпляру Императорской Академіи Наукъ.

I.

«Λέγω τοίνυν ἀεὶ καὶ παντὶ καὶ πανταχοῦ κάλλιστον εἶναι ἀνδρὶ, πλουτοῦντι, υἰαίνοντι, τιμωμένῳ ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων, ἀφικουμένῳ εἰς γῆρας, τοὺς αὐτοῦ γονεῖς τελευτήσαντας καλῶς περισταίλαντι, ὑπὸ τῶν αὐτοῦ ἐκγόνων καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι».

Plato in Hipp. Major¹⁾.

„Съ подобающею честью быть погребеннымъ (καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι)“ составляло одинъ изъ идеаловъ жизни древняго Грека, по ученію Платона. Такой высокій взглядъ на погребеніе имѣлъ основаніе свое въ религіи и философіи классическаго міра. Какъ греческая религія, такъ и философія твердо вѣрили въ загробную жизнь. Темный вопросъ о загробной жизни является до очевидности яснымъ въ классической міеологіи и въ ученіяхъ греческихъ философовъ. Съ особенною послѣдовательностію и полнотою развитъ ученіе о судьбѣ отшедшихъ душъ Сократъ. Начиная съ минуты, когда душа разлучается съ тѣломъ, онъ подробно рисуетъ состояніе ея за предѣлами земнаго міра. Опредѣливъ топографію жилища умершихъ или ада, философъ указываетъ тѣ мытарства, чрезъ которыя проходитъ душа.

„При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда каждаго ведетъ духъ (δαίμων) и прежде всего подвер-

¹⁾ «Я говорю, что всегда и вездѣ считается лучшимъ благомъ для каждаго мужа, когда онъ, при достаткѣ и здоровьѣ, почитаемый Эллинами, достигнетъ старости, прилично похоронитъ своихъ родителей, и самъ, въ свою очередь, чинно и благодушно будетъ погребенъ собственными дѣтьми». Plat. Opera изд. Stallb. vol. IV. Sect. I, стр. 229—230.

гаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, и кто пѣтъ. Тѣ, жизнь коихъ оказывается посредственною, обитають близъ Ахерона; тамъ они очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣланное добро по заслугамъ получаютъ награду.... Люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ отъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитають надъ землею, вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ, въ такія жилища, какія теперь изобразить не легко¹⁾.

Подробное изображеніе состоянія душъ умершихъ находимъ у Платона также въ повѣствованіи (мнѣѣ) Эра, сына Арменіева. Этотъ Эръ палъ пѣкогда въ битвѣ; на десятый день, между тѣмъ какъ тѣла другихъ убитыхъ подверглись разрушенію, его тѣло найдено нисколько не поврежденнымъ, и отнесено въ домъ, гдѣ онъ жилъ прежде. Когда въ двѣнадцатый день собрались совершить надъ нимъ обрядъ погребенія, и тѣло его уже лежало на кострѣ, онъ вдругъ ожилъ и пересказалъ все видѣнное на томъ свѣтѣ. Смыслъ всего разказаннаго Эромъ тотъ, что всякій за совершенное зло претерпѣваетъ на томъ свѣтѣ десятикратное наказаніе, которое возобновляется каждые сто лѣтъ, потому что таково наибольшее продолженіе человѣческой земной жизни. Въ такихъ же размѣрахъ благочестивые и справедливые получаютъ достойныя награды²⁾.

Наконецъ, погребальныя обряды, наглядно представляя въ своемъ разнообразіи вѣрованія и взгляды древнихъ Грековъ и Римлянъ, сдѣлались торжественнымъ ихъ исповѣдываніемъ вѣры въ жизнь за предѣлами гроба. „Изъ погребальныхъ церемоній“, говоритъ Сократъ, „я вывожу заключеніе о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю³⁾“. При твердомъ и искреннемъ убѣжденіи въ существованіи замогильной жизни, погребальныя обряды получили святое значеніе для каждаго Грека и Римлянина. Отсюда проистекаетъ, съ одной стороны, полнота и разнообразіе похороннаго ритуала, а съ другой — особенная забота и стараніе соблюсти его чинно (*καλῶς*), благолѣпно (*μεγαλοπρεπῶς*). Для живыхъ обязанности въ отношеніи къ умершимъ были заповѣдью боговъ, догматомъ вѣры, для умершихъ погребаль-

¹⁾ См. *Пропилей* т. V, «Федонъ», разговоръ Платона, перев. Карпова, стр. 72—73.

²⁾ *Respub.* р. 614. *Пропилей*, т. V, стр. 85. «О Платоновыхъ мнѣяхъ», ст. прое. Карпова.

³⁾ См. «Федонъ», разговоръ Платона въ переводѣ прое. Карпова.

нне обряды приготовляли спокойное пребываніе за могилой, были необходимыми условіемъ вѣчнаго упокоенія, единственнымъ, такъ сказать, мостомъ для перехода на тотъ свѣтъ....

Такимъ благоговѣніемъ къ послѣднему долгу проникнута душа каждаго Грека и Римлянина, что обязанности въ отношеніи къ умершимъ называются *всеобщимъ закономъ* (νόμος Πανελληνίων), *назралою умершихъ* (τὸ γὰρ γέρας ἐστὶ θανάτων) ¹⁾, божественнымъ закономъ, не писаннымъ, но неизблжимымъ, *несложнымъ закономъ боговъ* (ἄγρακτα καὶ ἀπλήθει θεῶν νόμιμα) ²⁾ *справедливымъ* — τὰ δίκαια, *justa*, для всѣхъ *обязательнымъ* — *debita* и *точно бывшимъ* (χοῦδαίς οἶδαν ἐξ ὅτου φάνη) ³⁾.

Антигона рѣшается лучше умереть, чѣмъ заслужить гнѣвъ боговъ, оставивъ брата Полиника безъ погребенія. Геніальнѣйшая изъ трагедій Софокла являетъ предъ нами во всей полнотѣ это, въ высшей степени благоговѣнное, отношеніе классическаго міра къ погребальнымъ обрядамъ. Замѣчательна сцена допроса, дѣлаемаго Креономъ Антигонѣ ⁴⁾:

Креонъ (Антигонѣ).

Ты знала и дерзнула
Законъ ⁵⁾ нарушить?

Антигона.

Не Зевесъ его
Мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды,
Живущая съ подземными богами;
Не думала я видѣть столько силъ
Въ твоихъ уставахъ, чтобы, смертный, могъ
Ты ими попирать боговъ законы;
Не писаны, не зыблемы они,
Явились не вчера или сегодня,
Но жили прежде и всегда: начало
Ихъ никому невѣдомо. За нихъ-то
Не захочу я дать отвѣтъ богамъ,

¹⁾ Odyss. XXIV.

²⁾ Antig. Tragoed. Sophocl. 450.

³⁾ Antig. 457.

⁴⁾ «Антигона», траг. Софокла, перев. Водовозова.

⁵⁾ Запрещающій похоронить Полиника эдиктъ Креона.

Страшась нарушить волю человѣка!
 Умру... я знала: какъ же быть иначе?
 Безъ твоего рѣшенья это было-бъ;
 А если преждевременно умру,
 То въ этомъ снова выгода моя.
 Тому, кто жизнь свою всегда влачилъ
 Подобно мнѣ, среди однихъ несчастій,
 Какъ можетъ смерть невыгодной казаться?
 Поэтому нисколько не прискорбна
 Мнѣ горькая судьба моя; но если-бъ
 Умершій братъ, единокровный мнѣ,
 Лежалъ безъ погребенья... да! Объ этомъ
 Скорбѣла-бъ я, не о моей судьбѣ!

Участь души не погребеннаго человѣка ужасна. Ей суждено сто лѣтъ скитаться около стѣнъ мрачнаго ада. „Не зарытымъ костямъ нѣтъ успокоенія“, вѣровали Греки и Римляне:
 „Не суждено никому переплыть черезъ страшныя воды (Стикса) прежде, чѣмъ кости его сокроются въ темной могилѣ.
 Сто лѣтъ блуждаютъ онѣ (тѣни) вокругъ береговъ тѣхъ скитаясь, Лишь тогда возвращаются снова на берегъ желанный“¹⁾.

Полинуръ, утонувшій, умоляетъ Энея въ аду:
 „Ахъ, умоляю тебя и солнечнымъ блескомъ, и милымъ
 Свѣтомъ небесъ, и отцемъ, и надеждою сына Юла,
 Непобѣдимый Эней, исторгни меня изъ пучины
 Горя и золь, или покрой мое брѣнное тѣло землей“²⁾.

Душа Патрокла просить Ахиллеса:
 „О, погребѣ ты меня, да войду я въ обитель Аида!
 Души, тѣни умершихъ меня отъ воротъ его гонять,
 И къ тѣнямъ приобщиться къ себѣ за рѣку не пускають;
 Тщетно скитаюсь я предъ широковоротнымъ Аидомъ“³⁾.

Въ силу такой важности погребальнаго обряда для умершаго, каждый, при встрѣчѣ съ непогребеннымъ тѣломъ, обязанъ былъ предать его землѣ. Сущность обряда будетъ исполнена, если тѣло встрѣченное будетъ посыпано тремя горстями земли (*ter pulvere jacto*). Тому, кто не совершилъ, по чему-либо, этого краткаго обряда, грозитъ мщеніе боговъ, и не только ему, но и потомству его.

¹⁾ Энеид. кн. VI, переводъ *Шершеневича*, изд. 1868 г.

²⁾ Энеид. кн. VI, въ перев. *Шершеневича*, ср. кн. X.

³⁾ Илиада, перев. *Гумдича*, пѣснь XXIII, стих. 70.

„Ты, матросъ, будь добрымъ человѣкомъ“, говоритъ у Горация не погребенный трупъ мимо плывшему моряку, „не пожалѣй *сыну чаю неску* (*vacas agenas*) для моей непогребенной головы и моихъ успокоенныхъ костей. Если ты совершишь обрядъ—какъ бы ни грозилъ тебѣ Эвръ гиперидскими волнами, какъ бы ни гнулись лѣса Венузіа—ты будешь невредимъ, и много барышей стечется къ тебѣ отовсюду по милости справедливаго Юпитера и Посидона, стража священнаго Тарента. Ужели ты позволишь себѣ по небрежности обмануть мои ожиданія и тѣмъ впоследствии навлечь вредъ на неповинныхъ дѣтей своихъ... Мои мольбы будутъ отмщены и тебя не разрѣшать отъ такого грѣха никакія очистительныя жертвы. Хоть ты и спѣшишь (но за дѣломъ, о коемъ я прошу) — не велико промедленіе. Ты можешь тотчасъ же плыть, только брось на меня три *юрсти земли*“ (*non est longa mora, licebit injecto ter pulvere curras*¹⁾).

Любопытно въ этомъ случаѣ сопоставленіе вѣрованія древнихъ Римлянъ съ вѣрованіемъ нашего народа въ то возмездіе, которое ожидаетъ каждаго за неисполненіе пады встрѣченнаго трупомъ послѣдняго долга.

Послѣ сказаннаго понятно, почему между идеалами классическаго міра было и стремленіе удостоятся „веледѣйнаго“ погребенія (*μεγαλοπρεπῆς ταφῆναι*), т. е. погребенія по обрядамъ, завѣщаннымъ старинной, обрядамъ, сложившимся вѣками, обрядамъ, въ которыхъ каждый прозрѣвалъ утѣшительную надежду, чаяніе новой жизни и разрѣшительный актъ для перехода въ страну, „откуда нѣтъ возврата“—страну вѣчнаго мира и покоя...

Далѣе, понятна и та осмысленность, которую мы видимъ въ погребальномъ ритуалѣ Грековъ и Римлянъ. Каждый обрядъ, даже маловажный, носить въ себѣ идею, мысль. Такъ какъ Грекамъ первымъ изъ этихъ двухъ народовъ принадлежала честь привести погребальные обряды въ стройный и послѣдовательный порядокъ, то на всемъ траурѣ лежитъ кромѣ того печать изящнаго. Цвѣты, вѣнки, кипарисы, факелы, музыка—необходимая принадлежность похоронъ въ древней Элладѣ...

Римляне, какъ преемники греческой цивилизаціи, у Грековъ же въ главныхъ чертахъ заимствовали и погребальные обряды. Но, оставаясь по существу одинаковыми, эти обряды въ Римѣ, особенно императорскомъ Римѣ, значительно дополнились: сдѣлались блестяще,

¹⁾ Horat. Lib. I. Od. XXVIII.

тщеславіе. Эти дополненія въ римскихъ погребальныхъ обрядахъ, сравнительно съ греческими, отчетливо рисуютъ разницу изящной Эллады отъ гордаго orbis terrarum.

II.

Съ древнѣйшихъ временъ Римляне двоякимъ образомъ совершали погребеніе: *предавали землю и сожигали тѣла* (humatio et combustio), подражая Грекамъ, у коихъ преданіе землѣ (ταφή) и сожиганіе (καβσις), какъ два вида погребенія, одновременно имѣли мѣсто ¹⁾.

Критонъ, одинъ изъ учениковъ Сократа, за минуту до принятія симъ послѣднимъ яда, спросилъ своего учителя: „какимъ образомъ похоронить тебя—θάπτομεν δέ σε τίνα τρόπον?“— „Какимъ вамъ угодно“, отвѣчалъ Сократъ. Потомъ, обратившись къ другимъ слушателямъ, и, указывая на Критона, Сократъ продолжалъ: „видя мое тѣло *сожжасемымъ* или *закапываемымъ* (ὄρων μου τό σῶμα ἤ καβόμενον ἢ καταχρησόμενον), оны устыдится своей скорби, потому что будетъ сожжено *одно тѣло Сократа*“ ²⁾.

Двоукій способъ погребенія оправдывался возрѣпими греческой натуральной философіи. Одни изъ философовъ, какъ Гераклитъ, доказывали, что всѣ тѣла созданы изъ огня и должны разрѣшиться въ эту стихію; другіе (Θалесъ) все сотворенное производили изъ земли, въ которую опять и должно все возвратиться ³⁾.

Обычай *зарывать тѣла въ землю* (terra obtere, humare) и *сожигать* (cremare, comburere) одновременно существовалъ и у Римлянъ. Смотря по желанію самого умершаго или его родственниковъ, трупы однихъ предавались землѣ, другихъ—пламени. Такъ, въ домѣ Корнеліевъ до Суллы никто не былъ сожженъ. Сулла же пожелалъ быть сожженнымъ, такъ какъ послѣ смерти боялся подвергнуть свое тѣло такой же участи, какая постигла тѣло Марія, надъ останками котораго Сулла наругался, приказавъ ихъ вырыть и развѣять (dissipari jussit) ⁴⁾.

Одновременное существованіе двоякаго способа погребенія у Римлянъ подтверждаетъ законъ XII таблицъ, гдѣ запрещено *хоронить* (sepelire) и *сожигать* (comburere) мертвыхъ. Все таки сожиганіе было самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ способомъ погребенія.

Обыкновенно не сожигались, а закапывались: во-1-хъ, тѣла дѣтей,

¹⁾ Илиад. пѣснь 1. Aeneid. XI.

²⁾ Федонъ, разговоръ Платона, пер. Карпова. См. Пропилеи кн. V, стр. 74.

³⁾ Kirchn. Lib. 1.

⁴⁾ Plin. Lib. VII cap. LIV.

которымъ не минуло 40 дней отъ рожденія, у которыхъ еще не прорѣзался зубокъ (*priusquam genito dente*), такъ какъ въ сущности пѣчему горѣть и не долго разлагаться. Могила такихъ дѣтей называлась *suggrundarium*.

Во-2-хъ, считалось неприличнымъ сожигать тѣла убитыхъ молніей (*de caelo tacti, fulminati, fulgurati*). Религія Римлянъ считала такихъ неприкосновенными (*salvi*) и повелѣвала предавать землѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поразила ихъ стрѣла Громовержца ¹⁾.

Клкимъ бы способомъ ни совершалось погребеніе, на языкѣ Римлянъ оно обозначалось однимъ общимъ словомъ *funis*, и ведетъ свое происхожденіе отъ (*funis, funale* — веревка, факель) факеловъ (*funalia*), при свѣтѣ коихъ встарину одинаково для всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, ночью скромно совершалась погребальная церемонія.

Впослѣдствіи, свойственныя людямъ суетность и тщеславіе одѣли самую печаль роскошною ризой, окружили блескомъ и великолѣпіемъ. И вотъ скромное, печальное шествіе ночью при свѣтѣ факеловъ превращается мало по малу въ блестящую *помпу* (*pompa funebris*), торжественно слѣдующую среди бѣлаго дня чрезъ форумъ по многолюднымъ улицамъ Рима. О ней напередъ возвѣщаютъ герольды, ее сопровождаютъ громогласные звуки погребальной музыки, состоявшей изъ флейтъ, роговъ, трубъ, — цѣлыя хоры голосящихъ плакальщицъ, кривляющихся мимовъ и проч.

Первоначальное *funis*, какъ названіе погребенія, стало прилично развѣ только бѣднымъ плебейскимъ похоронамъ, которыя и теперь (въ позднѣйшія времена республики и имперіи), какъ и во время оно, также молчаливо вечеромъ, по необходимости, а не ради роскоши, при тускломъ свѣтѣ факеловъ, число коихъ ограничивалось закопомъ, по заднимъ улицамъ пробирались за городъ къ мѣсту сожженія.

Возрастъ, состояніе, общественное положеніе и, наконецъ, послѣдняя воля умершаго обуславливали собою характеръ и многія подробности погребальнаго обряда. Различныя подробности погребальнаго церемоніала строго опредѣлялись римскимъ законодательствомъ.

Такимъ образомъ явились похороны съ *олашениемъ* (*funus indicativum*), *неласныя* (*tacitum*), *публичныя* (*publicum*), *триумфаторскія* (*triumphale*), погребеніе *высшихъ сановниковъ* (*ensorium, consularium, praetorium*), *плебейское* (*plebejum*), *рядовое, обыкновенное* (*commune*), *запросто, безъ затѣй* (*simpludiarium, translaticium*), погребеніе *иссо-*

¹⁾ Plin. Lib. II. Cap. LIV.

вершешнолѣтнихъ, младенцевъ (*funus acerbum, immaturum*). Были даже похороны мнимыя, похороны *масокъ* (*funus larvatum*), похороны однихъ *изображеній* или портретовъ (*imaginarium funus*)¹⁾.

Все это разнообразіе похоронъ можетъ быть раздѣлено на двѣ главныя категоріи: похороны *масныя* (*funus indictivum*) для патриціевъ и похороны *безъ олашенія* (*funus tacitum*—иначе *plebejum*) для плебеевъ.

Нашъ очеркъ будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, описанію погребальныхъ обрядовъ при *масныхъ похоронахъ*.

III.

Погребальные обряды слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 1) обряды до выноса тѣла, 2) при выносѣ и погребальномъ шествіи, 3) во время сожженія и 4) послѣ сожженія.

Современныя выраженія: „принять послѣдній вздохъ“, „закрыть глаза“—есть живой отголосокъ правовъ и обычаевъ классической старины.

Обязанность цѣлованіемъ „принять въ себя послѣдній вздохъ умирающаго (*exsperere extremum halitum, ore legere halitum extremum*), а вмѣстѣ съ дыханіемъ перенимать, ловить какъ бы самую душу умирающаго²⁾, равно какъ закрывать глаза (*καθαίρειν, συκλεῖν τοὺς οφθαλμοὺς ἢ βλέφαρα*—*condere, firmare, operire, comprimere oculos aut lumina*³⁾)—исполняли ближайшіе родственники умершаго. Этотъ обыкновенный актъ любви къ покойному у Грековъ и Римлянъ получилъ санкцію обряда и вошелъ, какъ таковой, въ погребальный ритуаль.

„Закрывать глаза тотчасъ послѣ смерти и вновь открывать ихъ на кострѣ было священнымъ обрядомъ Квиритовъ“, говоритъ Плиній⁴⁾, „обычай сложившійся потому, что неприлично людямъ смотрѣть въ потухшіе глаза, и тѣмъ болѣе неприлично не открыть ихъ для неба (*et coelo non ostendi nefas*)“. Вѣроятно, первоначальною

¹⁾ Kirchn. de funer. Rom. lib. I, Cap. IV, p. 23.

²⁾ Aeneid. IV. Объ имѣющихъ скоро умереть обыкновенно говорили: *animam in primo ore vel labris tenere*, то-есть, душа едва держится во рту.

³⁾ Aeneid. IX, 487. Ovid. Trist. III, 3, 43.

⁴⁾ Plin. XI, 37. Римляне очень хлопотали о туалетахъ своихъ покойниковъ. Светоній разказываетъ, что Августъ за нѣсколько минутъ предъ смертью просилъ зеркало, и приказалъ себя умыть и причесать себя волосы. Svet. XIC. Kirchn. Lib. 1. C. V.

причиною обычая закрывать глаза было тоже, что и теперь, то-есть, желаніе придать благообразный видъ лицу покойника, такъ какъ открытые безжизненные глаза внушаютъ чувство страха и невольнаго отвращенія. Ближайшіе родственники, дабы убѣдиться въ подлинности смерти, или чтобы пробудить чувства, которыя можетъ быть только замерли ¹⁾, тотчасъ послѣ закрытія глазъ и послѣдняго цѣлованія, начинали громко произносить имя покойнаго (conclamatio) и со словами: „прощай, прощай—have, vale“ поднимались общее рыданіе и вопли.

Вотъ почему латинское выраженіе: *conclamatum est* (окликали) значить: нѣтъ болѣе надежды, все напрасно, скончался!

Вслѣдъ за окликаніемъ, снаружи дома, у входа, выставлялись *мытти* и *кипарисъ*, знакъ, что въ домѣ покойникъ. „Пихта, дикое дерево, любитъ разсѣлины горъ и стужу (*amat montes atque frigora*)“, говоритъ Плиній, „кипарисъ же посвященъ Плутону, адскому богу; вотъ почему они служатъ эмблемами траура (*funebre indicium*) и составляютъ принадлежность погребальныхъ церемоній“ ²⁾. Къ тому же траурныя деревья служили предостереженіемъ особенно для жрецовъ, которыхъ оскверняло посѣщеніе дома, гдѣ былъ покойникъ ³⁾.

Любопытны основанія, по которымъ Римляне сосну и кипарисъ считаютъ деревьями печали и потребляютъ какъ знаки траура. О кипарисѣ существуетъ нѣсколько грустныхъ преданій. По одному изъ нихъ, кипарисъ впервые выросъ на могилѣ Кипариссы (*Suragissae*), дочери Борея; по другому—нѣсколько кипарисныхъ деревьевъ выросло по волѣ Теллюры, какъ надгробный памятникъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Кипариссы, дочери Этеокла, во время священной пляски (*tripudium*) упали въ колодезь и погибли. По третьему, Кипарисъ былъ сынъ Телсфа, любимый Аполлономъ, превращенный въ дерево за то, что неутѣшно оплакивалъ убитаго имъ любимаго оленя ⁴⁾.

Пихта (*arbor Diti sacra*) Плутону посвящена какъ дерево печали потому, вонервыхъ, что любитъ горы, слѣдовательно, растетъ нѣкоторымъ образомъ во владѣніяхъ подземнаго бога; вовторыхъ, потому, что, по словамъ Феста, „однажды срубленная не отрождается

¹⁾ Kirchn. (de funerib. XIII. cap. p. 103, lib. 1) приводитъ изъ разныхъ писателей нѣсколько случаевъ замрзанія.

²⁾ Plin. Lib. XVI. Cap. X, XXXIII.

³⁾ Kirchn. de funerib. Lib. 1, p. 110.

⁴⁾ Ibid. Cap. XIII, p. 110—111. Lib. 1.

(*excisa nihil renascitur*) и совершенно пропадаетъ. Такъ и отъ мерт- ваго нечего уже ждать (*ex mortuo nihil sperandum est*)¹⁾.

Ельникъ—знакъ печали и въ наши дни. Отчаянію языческаго міра христіанство противопоставило вѣру и надежду на воскресеніе. Сосна и ель однѣ круглый годъ не теряютъ своихъ зеленыхъ хвой и, устилая собою путь похоронной процессіи, знаменуютъ чашіе вѣч- ной, неувидающей жизни за гробомъ.

IV.

Дальнѣйшія заботы о приготовленіи покойника къ погребенію по- ручались въ Римѣ лицамъ, спеціальностію коихъ были похороны. Эти похоронные служители или хоронильщики (*νεκροθάπται*) носили общее имя *либитинаріевъ* (*libitinarii*). Институтъ либитинаріевъ ведетъ свое начало отъ Сервія Туллія. Этотъ царь статистиковъ для веденія пра- вильнаго счета числу рождающихся и умирающихъ постановилъ, чтобы родители за каждаго поворожденнаго вносили нѣкоторую сумму въ храмъ Юноны Люцины (*Junonis Lucinae*), а за умершаго родствен- ника его—въ храмъ Венеры Либитины (*Veneris Libitinae*). Въ этихъ храмахъ велись книги, куда и вписывались всѣ рождающіеся и умирающіе. Впослѣдствіи при храмѣ Либитины образовалось хранилище (складъ, депо) всѣхъ погребальныхъ принадлежностей (*τὰ πρὸς τὰς ταφάς*). Здѣсь продавались или отдавались на прокатъ носилки, бла- говонныя масла для намащенія, курительныя вещества, дрова для костровъ и пр. Здѣсь же жили и похоронные служители: смывальщики (*lotores*), намащатели (*pollinctores*), факельщики (*lictors*), носильщики (*lecticarii*), мимы (*ludiones, scurrae*), плакальщицы, причитальщицы (*praeficae, paeniae*) съ распорядителемъ похоронной церемоніи или церемоніймейстеромъ (*designator*) во главѣ.

Вотъ почему слово „*libitina*“ на языкѣ Римлянъ означаетъ и собственно похоронныхъ служителей, и погребальный одръ (*lectulus*), и погребельныя принадлежности (*funeralia*), и обязанность въ отно- шеніи къ умершимъ (*defunctis justa*), и судьбу и богиню смерти, и по- хороны, и самую смерть²⁾.

¹⁾ Kirchm. de funer. Lib. 1, c. XIII.

²⁾ Multaque pars mei vitabit libitinam. Hor. Lib. III. Od. XXX. Lib. II. Epist. 1. Phaedr. Lib. IV. Fab. LXXVII.

V.

«Наконецъ-то покойничекъ (beatulus),
Положенный на высокомъ одрѣ,
Густо намазанный имбиремъ,
Еще двери протягиваетъ окованные платки
И смотрѣть вонъ». Персій ¹⁾.

Затѣмъ тѣло поступало въ распоряженіе либитинаріевъ... Надобно сказать, что Римляне слишкомъ заботились о туалетѣ своихъ мертвецовъ. Женщинъ даже румянили ²⁾. „Великолѣпно выражаютъ и одѣваютъ, точно боятся, чтобы мертвые дорогой не озабли и въ неприличномъ видѣ не явились предъ Церберомъ“, говоритъ Люціанъ ³⁾. „Августъ“, говоритъ Светоній, „въ день смерти потребовалъ зеркало, приказалъ причесать волосы, привести въ порядокъ впавшія щеки (шалас labantes corrigi praesepit)“ ⁴⁾.

Неудивительно послѣ этого, что всѣ перечисленные должности либитинаріевъ—всѣ эти unctores, pollinctores, lotores имѣли не мало работы около покойника.

Омытый, намащенный, надушенный, часто нарумяненный трупъ одѣвался въ лучшую одежду. Общая одежда мертвыхъ Римлянъ была бѣлая тога ⁵⁾; чиновники (magistratus) хоронились въ тогахъ, соответствующихъ должности (toga praetexta, purpurea). Траурная же тога была темнаго цвѣта (pulla toga).

Греки на своихъ покойниковъ возлагали вѣнки (εἰσθασι στέφανοις τοῦς νεκρούς). Этотъ обычай соблюдался и у Римлянъ. Они тоже увѣнчивали своихъ умершихъ оливковыми вѣнками (oleastro). Тѣ изъ покойниковъ, которые при жизни стяжали себѣ почетные вѣнки, какъ награду на играхъ, или какъ побѣдители враговъ, хоронились въ этихъ вѣнкахъ, иногда золотыхъ ⁶⁾, „Для напоминанія предстоящимъ, что жизнь человѣческая коротка и „яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтеть (quae spectatissime floreat, celerrime marcescere)“, говоритъ Плиній, осыпали покойника и ложе его цвѣтами ⁷⁾.

¹⁾ Satir. III. «Tandemque beatulus alto
Compositus lecto, crassisque lutatus amomis
In portas rigidos calces extendit». Sat. III.

²⁾ Діонъ въ жизни Нерона,—Kirch. 149 стр.

³⁾ Lucian. «de luctu».

⁴⁾ Sveton. vita August.

⁵⁾ Juven. Sat. III.

⁶⁾ Cic. II, de legib. См. Kirch. de funer. lib. 1. Cap. XI.

⁷⁾ ἀνθέων βολή—у Грековъ.

Снаряженіе (compositio, componere) покойника, то-есть, омовеніе, намащеніе, одѣваніе и проч., обыкновенно совершалось во внутреннихъ комнатахъ. Затѣмъ, приготовленное къ погребенію тѣло помещалось (collocabatur, *κράτασις*, collocatio) въ приемной или передней (vestibulum) на парадномъ богатомъ ложѣ (lectus) или одрѣ, верѣдко изъ слоновой кости, устланномъ дорогимъ парчевымъ или пурпуровымъ покрываломъ. Тѣло обыкновенно лежало ногами къ выходу, такъ какъ „по закону природы человѣку свойственно рождаться головой впередъ, а выносить его наоборотъ, то-есть, впередъ ногами“ ¹⁾. Около одра стояли благовонныя курильницы (ara aesepta) и рабы съ опахалами для отгонянія мухъ (abigatores).

VI.

Тѣло оставалось въ домѣ семь дней. На восьмой день обыкновенно былъ *выносъ* (elatio, *ἐκφορά*); въ этотъ же день трупъ сожигался, на девятый его хоронили. *Выносъ тѣла* ²⁾ у Римлянъ совершался со всею торжественностью.

Наканувъ выноса обыкновенно разѣзжали особые глашатаи, герольды (praecones) по главнымъ улицамъ города и возвѣщали о печальномъ событіи ³⁾ въ такихъ выраженіяхъ: „Ollus Quiris letho datus est. Exequias ire cui commodum est, jam tempus est. Ollus ex aedibus effertur“, то-есть: такой-то гражданинъ скончался. Время уже идти, кому угодно на выносъ. Такого-то выносить“ ⁴⁾.

Древній Римъ былъ строго религіозное государство (religiosa civitas). Тогда считалось непристойнымъ выносить покойниковъ среди бѣлаго дня, потому что животворящее солнце оскорблялось картиной мертвaго тѣла. Точно также считалось предосудительнымъ для жрецовъ и высшихъ сановниковъ (которые тогда почитались лицами священными) встрѣчаться съ покойникомъ. Вотъ почему въ древнія времена Римскаго государства даже царей хоронили въ ночное время. Напримѣръ, Сервій Туллій, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, вынесенъ былъ ночью ⁵⁾. Римъ позднѣйшаго времени измѣ-

¹⁾ Ritu naturae capite hominem gigni mos est, pedibus efferi. *Plin.* Lib. VII, Cap. VIII.

²⁾ «Elatio, efferre, exportare, funus ducere, exequias ducere, pompa funebris».

³⁾ Indicabant,—отсюда *indictivum funus*, въ противоположность *tacitum funus*.

⁴⁾ *Kirchm. de funerib.* Lib. 1.

⁵⁾ Что самое погребеніе получило названіе отъ употребившихся при выносѣ *сакеловъ* (funus, funalia), объ этомъ мы говорили выше.

нилъ этотъ скромный обычай. Предоставивъ бѣднякамъ выносить своихъ мертвецовъ *молчаливо, во мраки ночи*, гордые римскіе вельможи истощали всю изобрѣтательность, чтобы придать своимъ похоронамъ всевозможный блескъ и торжественность.

Обыкновенно на богатыхъ похоронахъ выность происходила въ разгаръ городского движенія, когда площади и улицы Рима были полны народа.

Погребальная роскошь позднѣйшаго времени до такой степени была велика, что сочли нужнымъ издать особый законъ, который ограничивалась излишняя выность¹⁾.

Распорядителемъ погребальной процессіи былъ особый церемоній-мейстеръ (*designator*)²⁾ съ своими черными лякторами и подручными (*accensus*). Во главѣ шествія помѣщалась музыка вокальная и инструментальная. Съ одной стороны флейтки, трубаки, рогаки (*cornicen*), съ другой — плакальщицы, подъ предводительствомъ своей главной заводчицы (*praefica*), составляли одинъ ужасный хоръ, въ которомъ рѣзкіе звуки роговъ и трубъ сменялись съ пронзительными воплями, стenanіями и причитаніями (*paenia* или *mortualia*) въ раздрающій душу погребальный маршъ.

Впрочемъ, похоронная музыка у Римлянъ совершенно удовлетворяла своей цѣли, которая состояла между прочимъ и въ томъ, чтобы уничтожить сильными звуками привидѣнія, прогнать нечистую силу и всякое дьявольское навожденіе³⁾.

Сколько рѣзки и отвратительны были звуки похоронной музыки инструментальной, столько же дики и безсмысленны причитанья (*paenia*) плакальщицъ. Эти причитанья вошли у Римлянъ въ пословицу для выраженія самаго непріятнаго впечатлѣнія или обозначенія пустяковъ, вздора, вещей ничтожныхъ. О рѣчи некусусаго оратора, грубомъ стихѣ бездарнаго поэта, вздорномъ умствованіи ложнаго философа, обыкновенно говорили: „это сборникъ зауповойныхъ причитаній“, „точь въ точь причитанья плакальщицъ“⁴⁾. Содержаніемъ причитаній обыкновенно были похвалы покойнику.

Praefica — передовыя плакальщицы (заводчицы) дирижировали похороннымъ плачемъ и давали тактъ остальнымъ плакальщицамъ

¹⁾ Cic. Phil. IX, 7. См. Pauly. T. III, стр. 544.

²⁾ Horat. Ep. 1, 7, 6.

³⁾ Avertens spectra et daemonum ludibria. Kirchm. de funer. lib. II, p. 143.

⁴⁾ «Mortuaria glossaria, tanquam mulierum voces praeficarum». Agell. lib. XVIII Cap. VII. Kirchm. de funer. lib. II. Cap. VI. pag. 153.

мѣрными ударами въ грудь (*quæ dant cæteris modum plangendi*). Нерѣдко картина надгробнаго рыданія (*planctus*) превращалась въ безобразное зрѣлище. Плакальщицы въ своемъ наемномъ усердїи, а за ними и другія женщины, участвовавшія въ погребальной процессїи, нерѣдко преступали границы всякаго приличїя, слишкомъ утрируя свои плачевныя обязанности: онѣ неистовствовали, голосили, выли, били себя въ грудь, рвали волосы, пачкали лице грязью, и раздирали до крови щеки. Такъ, Анна въ Энеидѣ, оплакивая смерть сестры Дидоны, разцарапываетъ лице и грудь ногтями¹⁾. Законъ XII таблицъ запрещаетъ женщинамъ царапать щеки — „да не царапають женщины себѣ щекъ“²⁾, а Цицеронъ подобный способъ выраженїя скорби называетъ „отвратительнымъ“³⁾.

За толпой музыкантовъ и плакальщицъ слѣдовали *мимы* (актеры), *комедїанты* (*histriones*), *шуты*, *скоморохи* (*scurræ*). Эта странная труппа съ архимимомъ во главѣ должна была представить въ похоронной процессїи, по возможности близко къ оригиналу, лице самого покойника и его близкихъ и дальнихъ умершихъ родственниковъ.

Въ сущности невинное желанїе родныхъ и знакомыхъ оживить, такъ сказать, въ своемъ воображенїи дорогую личность покойника, мало по малу превратилось въ особый родъ траурнаго спектакля, въ которомъ дѣйствующими лицами были покойникъ съ своими умершими предками и сродниками. Комедїантамъ раздавались роли: каждый изъ нихъ, изображая лице извѣстнаго родственника покойника, надѣвалъ его восковую маску (*persona - imago*) и подходящїй костюмъ. Первую роль, т. е. лице самого покойника, игралъ архимимъ. Въ маскѣ и костюмѣ умершаго, онъ различными кривляньями старался возсоздать для публики личность погребасемаго. Такъ „Фаворъ архимимъ шелъ впереди носилокъ Веспасїана въ его маскѣ, подражая, по обычаю, дѣламъ и словамъ этого мужа“⁴⁾.

Извѣстно, что знатныя фамиліи (*nobiles gentes*) въ Римѣ имѣли право хранить въ своемъ домѣ изображенїя предковъ (*jus imaginum*). Въ знатныхъ, родовитыхъ домахъ (напр. Корнеліевъ, Сципіоновъ) такихъ восковыхъ изображенїй или портретовъ (*effigies majorum, stem-*

¹⁾ Lib. IV. Aeneid.

²⁾ «Mulieres genas ne radunto».

³⁾ «Detestabilia genera lugendi».—Cic. III. Tuscul.

⁴⁾ «Favor archimimus personam Vespasiani ferens imitansque, ut est mos, facta et dicta viri». Sveton. Vespas. 19.

та) скопилось большое количество. Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ такой родовитой фамиліи, всѣ эти восковые предки считали обязанностью участвовать въ погребальной процессіи, и провожали умершаго до костра, какъ бы указывая новому жителю преисподней знакомую дорогу въ подземное царство Плутона. Помѣщенные на высокихъ шестахъ (*celsa feretra*) они окружали со всѣхъ сторонъ, какъ свита, тѣло покойника. Иногда число восковыхъ изображеній доходило до нѣсколькихъ сотъ. „Шествиѣмъ изображеній“ (*sextra imaginum*) предковъ, по словамъ Тацита ¹⁾, особенно замѣчательны были похороны Друза. Здѣсь присутствовали портреты всѣхъ царей, императоровъ и знаменитыхъ людей, начиная съ Энея и Ромула.

На похоронахъ полководцевъ, императоровъ, впереди покойника несли на особыхъ доскахъ изображенія завоеванныхъ городовъ, покоренныхъ народовъ, перечень побѣжденныхъ непріятелей, побѣдные трофеи, названія изданныхъ законовъ (*tituli*). При погребеніи государственныхъ сановниковъ (*summi magistratus*) носилкамъ предшествовали знаки (*insignia*) ихъ достоинствъ: связки лигаторовъ (*fascēs*), сѣкиры, щиты и другое оружіе въ обратномъ видѣ (*arma versa*): копья остриемъ внизъ, а щиты оборотными сторонами. Того требовалъ траурный этикетъ (*mos lugentium*) ²⁾.

Затѣмъ слѣдовало самое тѣло. Его несли на погребальномъ ложѣ (*lectica, togus, ἡ κλίνη*), нерѣдко изъ слоновой кости, отдѣланномъ золотомъ, выстланномъ пурпуровою или парчевою матеріею, на носилкахъ (*feretrum*) ³⁾.

Честь нести богатыхъ покойниковъ принадлежала вольноотпущенникамъ ⁴⁾ и наслѣдникамъ:

„Густо намащенный трупъ

На обнаженныхъ плечахъ несть наслѣдникъ“ ⁵⁾.

Высшихъ государственныхъ сановниковъ, императоровъ обыкновенно должны были нести сенаторы, всадники и другіе чины ⁶⁾.

¹⁾ Tacit. Annal. lib. IV.

²⁾ Kirchn. Lib. II. p. 166.

³⁾ Becker-Gallus. Pauly III. 545. *Feretrum* — отъ *fero*. На обыкновенныхъ похоронахъ (*tacitum funus*) несли одръ особые наемные носильщики изъ числа любитнаріевъ (*νεκροφόρος, lecticarius, sandapila, vespillo* — отъ *vesper* — носильщикъ на ночныхъ похоронахъ) на одрѣ, называвшемся *sandapila*—λίχος—λίχη, ἐφ' οἷς τοὺς νεκροὺς κόσμουσιν.

⁴⁾ Horat. Lib. II. Sat. V.

⁵⁾ Juven. Sat. III.

⁶⁾ Tacit. Annal. I.

Позади тѣла шли родственники, знакомые и всѣ присутствовавшіе на похоронахъ, въ траурной одеждѣ (*lugubria*) темнаго цвѣта (*toga pulla*). Цвѣтныя одежды, знаки власти (*insignia—toga praetexta, purpurea, lictores, fasces* и пр.) золотыя, серебряныя украшенія, даже кольца строго запрещались траурнымъ римскимъ этикетомъ, который предписывалъ во время погребальной процессіи надѣвать трауръ (*sumere, ponere, induere lugubria*) всѣмъ присутствующимъ, а ближайшимъ родственникамъ не снимать его (*exuere, deponere lugubria*) цѣлый годъ¹⁾.

Погребальное шествіе (*feralis pompa*) направлялось изъ дома покойнаго [къ мѣсту погребенія или сожженія чрезъ форумъ. Здѣсь передъ рострами процессія останавливалась. *Lectica* съ тѣломъ ставилась на особое возвышеніе. Вокругъ ея, въ видѣ амфитеатра, разсаживались на скамьяхъ мимы въ маскахъ, изображенія предковъ ставились въ восходящемъ хронологическомъ порядкѣ. Входилъ на кафедру (*rostra*) ораторъ и начиналъ надгробную рѣчь (*oratio funebris*). Въ силу пословицы: *de mortuis aut bene aut nihil*, эти надгробныя рѣчи изобиловали похвалами покойнику, его усопшимъ отцамъ, братьямъ и всему его роду. Видно, что ораторъ для ублаженія памяти самого покойника и его предковъ не скупился на похвалы и льстивыя выраженія, если римскіе писатели, каковы Ливій и Цицеронъ надгробныя рѣчи признаютъ причиною лживости (подкрашенности, подругмянности) вообще римской исторіи²⁾. „У насъ существуютъ, говоритъ Цицеронъ, похвальные рѣчи умершимъ. Эти похвалы хранились въ семействахъ, какъ памятки и украшеніе. Въ случаѣ смерти новаго члена дома ими пользовались другіе ораторы для прославленія знатности рода (*ad nobilitatem illustrandam*). Вслѣдствіе этихъ похвальныхъ рѣчей исторія наша стала лживѣе (*mendosior*), потому что въ этихъ фамилныхъ памяткахъ помѣщено много небывалыхъ событій, триумфовъ, консульствъ и другихъ небылицъ“³⁾.

Тоже говоритъ и Ливій: „память о нашихъ историческихъ событіяхъ, я полагаю, совершенно испорчена (*memoriam vitiatam*) этими надгробными похвалами, такъ какъ всякая фамилія имѣетъ привычку присвоивать себѣ славу совершенныхъ доблестныхъ подвиговъ, подъ вліяніемъ обманчивой и лживой лести“⁴⁾. По окончаніи надгробной

¹⁾ Kirchm. lib. II. Cap. VIII. Ovid. Metam. lib. VI.

²⁾ *Laudibus funebribus fucata est historia, mendosior facta est.*

³⁾ Cicer. in Bruto.

⁴⁾ *«Ad se quaeque familia famam rerum gestarum fallente mendacio trahit».* Liv. Lib. VIII.

рѣчи, процессія слѣдовала въ прежнемъ порядкѣ за городъ для сожженія и погребенія, такъ какъ еще законъ XII таблицъ гласилъ: *intra urbem hominem mortuum neque urito, neque sepelito*, то-есть, не сжигать и не хоронить тѣло внутри города ¹⁾. Исключеніе было только для жрецовъ, весталокъ, триумфаторовъ и императоровъ ²⁾.

VII.

«Воздвигается на полѣ высокая костеръ изъ пихты и прикрываетъ его со всѣхъ сторонъ плавучій кипарисъ» ³⁾.

Стаций.

Способъ сожиганія (*combustio*), какъ мы выше говорили, въ Римѣ былъ болѣе употребительною формою погребенія, нежели преданіе землѣ (*humatio*). Мѣстомъ сожженія богатыхъ служили ихъ собственныя загородныя виллы, помѣстья, поля, или откупленные съ этою цѣлью участки за городомъ, гдѣ устраивались фамиліные склепы, болѣею частію близъ большихъ дорогъ (см. ниже). Обыкновенно сжигались тѣла на кострѣ (*rogus, ruga*). Мѣсто, на которомъ горѣлъ костеръ, называлось *пепелище* (*ustrina*). Костеръ строился изъ пихты, сосны, какъ деревьевъ, посвященныхъ адскому богу, и другихъ смолистыхъ деревьевъ. Для костровъ употреблялись грубыя, нетѣсанныя бревна: «не выглаживайте костра скобелю (*rogum ascia ne polito*)», гласилъ законъ XII таблицъ ⁴⁾.

Костры по своей конструкціи имѣли форму громаднаго жертвенника (*ingens ara*). Костеръ покрывали зеленью и кругомъ ставили кипарисы. Тѣло вмѣстѣ съ погребальнымъ одромъ поднималось на вершину костра. Тотчасъ ближніе родственники умершаго брали зажженные факелы (*fax funealis*) и, «держа отвращенные взоры» ⁵⁾, знакъ печальной необходимости, поджигали костеръ съ четырехъ угловъ.

Древніе Римляне, какъ и Греки, были убѣждены, что душа покойника тѣмъ угодноѣ богамъ, чѣмъ скорѣе сгорало его тѣло. Въ силу этого вѣрованія, костеръ строился изъ смолистыхъ, удобосгораемыхъ деревьевъ, которыя сверхъ того, обливались масломъ. Тот-

¹⁾ Cic. de legg. II. См. Kirch. lib. II. С. XX.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Stat. lib. IV.

⁴⁾ Cic. de legg. II. Plin. XXXV. 7.

⁵⁾ «Aversi tenuere facem». Aen. lib. VI. Перев. Шершеневича.

часть, по зажженіи костра, всѣ предстоящіе обращались съ молитвою къ Эолу, чтобы онъ помогъ раздуть пламя. Особенно горяча была молитва, если костеръ горѣлъ тихо и медленно.

„Но костеръ между тѣмъ не горѣлъ подь мертвымъ Патрокломъ. Ставъ отъ костра въ отдаленіи началъ молиться онъ (Ахиллъ) вѣтрамъ,

Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ общія.

Часто кубкомъ златымъ возливалъ онъ вино и молилъ ихъ

Къ полю скорѣй принестися и, пламенемъ срубъ воспаливши,

Тѣло скорѣе сожечь... Воздвиглися вѣтры,

Съ шумомъ ужаснымъ несяся и тучи клубя предъ собою...

Всѣ на костеръ налегли и огонь загремѣлъ пожиратель.

Вѣтры всю ночь волновали высоко крутившееся пламя,

Шумно дыша на костеръ“ ... ¹⁾.

Печальные звуки трубъ и роговъ, завываніе плакальщицъ, вздохи и молитвы предстоящихъ мѣшались съ трескомъ пламени. Во все это время вблизи костра совершались возліянія душамъ предковъ (*manibus*) и подземнымъ богамъ.

При похоропахъ императоровъ, полководцевъ, во время горѣнія костра происходилъ военный парадъ. Трижды слѣва на право вмѣсто справа налѣво (*orge sinistro* вм. *orge dextro* въ обыкновенныхъ военныхъ играхъ) отряды всадниковъ объѣзжали пылавшій костеръ съ гикомъ, похожимъ на стонъ ²⁾ (*ululatus*). Каждый изъ всадниковъ держалъ оружіе въ обратномъ видѣ ³⁾.

„И ратниковъ крики и трубные звуки

Къ звѣздному своду несутся. Другіе же въ пламя бросаютъ

Съ павшихъ Латинянь добычу: бросаютъ шоломовъ,

Много прекрасныхъ мечей и уздъ и колесъ бистролетныхъ“ ⁴⁾.

Въ горящій костеръ часто бросали любимыя вещи покойнаго: одежды, оружіе, лошадей, собакъ, а встарину — плѣнныхъ и рабовъ ⁵⁾. Сожигаемому дѣлались приношенія и дары. Такъ, Корнелія на костеръ Помпея бросила его одежду, вышитую ея руками (*pictam togam*), и обувь. При погребеніи Цезаря, многія матроны бросали на

¹⁾ Илиад. Пѣсн. XXIII, 195—215. Пер. Гадича.

²⁾ Aeneid. lib. XI.

³⁾ «Обращенными копытами въ землю».

⁴⁾ Aeneid. кн. XI, пер. Шершеневича.

⁵⁾ См. Kirchn. lib. III.

костеръ свои золотыя запястья, одежды, медальоны (bulla — кольцо сердечкомъ, амулетъ) ¹⁾. Въ отдаленной древности римскія жены, — что и теперь дѣлается въ Индiи, — считали за честь сжигать себя за живо вмѣстѣ съ своими мужьями ²⁾. Цицеронъ упоминаетъ объ этомъ саможиганiи: „въ Индiи жены, говоритъ онъ, когда умираетъ мужъ, начинаютъ споръ о томъ, которую изъ нихъ покойный больше любилъ. И та, которая одержитъ верхъ, торжествующая и радостная, въ сопровожденiи остальныхъ, идетъ за тѣломъ мужа и вмѣстѣ съ нимъ возлагается на костеръ: жены побѣжденныя съ грустью удаляются ³⁾“. Эту сцену прекрасно рисуетъ Проперцiй:

„Когда послѣднiй зажженный факель брошенъ подъ смертное ложе, благоговѣйная толпа женъ стоитъ съ распущенными волосами и ведетъ горячiй споръ о томъ, которой изъ нихъ слѣдовать за своимъ супругомъ; было бы стыдомъ и поношенiемъ не имѣть преимущества умереть... И вотъ побѣдительницы уже пылаютъ на кострѣ, подставляютъ свою грудь пламени и обгорѣлыя уста прижимаютъ къ своимъ (пылающимъ) мужамъ ⁴⁾.“

Картину построения и горѣнiя костра находимъ у Вергилiя:

„Между тѣмъ Трояне у берега моря рыдали
Надъ Мизеновымъ тѣломъ, послѣднiй долгъ отдавая
Праху его. Сначала огромный костеръ положили
Изъ дубовыхъ вѣтвей и смолистаго дерева сосны;
По сторонамъ костра положили темныя лозы;
И посадили кругомъ ряды кипарисовъ надгробныхъ,
И украсили все броней покойнаго мужа.
А другiе — печальный обрядъ! — поднося на плеча носилки
И, по обычаю предковъ, держа отвращенные взоры,

¹⁾ Sveton. XXIV. См. Лекс. Кронеберга.

²⁾ Valer. Maxim. lib. IV. C. VI. Senec. lib. II. Declam. II. Tacit. lib. XIV. Annal.

³⁾ Cic. V. Tuscul.

⁴⁾ «Namque ubi mortifero jacta est fax ultima lecto,
Uxorum fuis stat pia turba comis,
Et certamen habent leti, quae viva sequatur
Conjugium, pudor est non licuisse mori.
Ardent victrices et flammæ pectora praebent
Imponuntque suis ora perusta viris».

Propert. lib. III. Eleg. 11.

Подъ изготовленный лѣсъ положили пылающій факелъ;
Жгутъ благовонныя жертвы, изъ чашъ возливаютъ елей¹⁾.

VIII.

Костеръ наконецъ догоралъ. Тогда начинался обрядъ *собиранія костей* (ossilegium):

„А когда ужъ костеръ догорѣлъ и пламя потухло,
Льютъ на горячіе пеплы вино и, кости собравши,
Мужъ Кориней сложилъ и закурилъ въ мѣдномъ сосудѣ.
Онъ же товарищей трижды обнесъ священной водою,
Брызгая мелкой росой изъ вѣтки счастливой оливы,
И очистилъ мужей, и сказалъ прощальное слово“²⁾.

Церемонію собиранія костей прекрасно рисуетъ Тибуллъ въ одной изъ своихъ элегій:

„Когда я превращусь въ тончайшую тѣнь и черная сажа покроетъ бѣлыя кости мои, къ моему костру подойдетъ печальная жена. У нея длинныя, распущенныя волосы въ безпорядкѣ и она заплачетъ...

„Но она придетъ въ сопровожденіи своей, тоже грустной, дорогой матушки. Эта потушитъ надъ зятемъ, а та поплачетъ надъ мужемъ... Вотъ онѣ прежде помолятся, совершатъ возліаніе тѣнямъ предковъ и моею душѣ, благоговѣнно вымоютъ свои руки... Потомъ, распоясавши траурную одежду (incinctae nigra veste), соберутъ остатки моего тѣла—бѣлыя кости. Сначала оросятъ ихъ годовалымъ елеемъ, затѣмъ обольютъ бѣлоснѣжнымъ молокомъ (niveo lacte). Послѣ того завернуть ихъ въ бѣлыя полотна просушить (carbazeis humorem tollere ventis) и сложать въ мраморной гробницѣ (marmorea domo—домовинѣ)³⁾. Тамъ надъ костями обильно прольются всѣ ароматы, что посылаетъ намъ востокъ, богатая Аравія и Ассирія; а съ ароматами сольются и слезы помнящихъ насъ очей (nostri memores lacrimae fundantur eodem). И уходя скажетъ: сладко и мирно покойся, и да будетъ земля легка надъ твоими костями! 4).

1) См. Энеид. пер. Шершеневича, кн. XI.

2) Энеид. кн. VI. Пер. Шершеневича.

3) Областное у насъ названіе «гробницы».

4) «Et bene, discedens dicit, placideque quiescas
Terraque securae sit super ossa levis».

„Вотъ какъ я желалъ бы похороненнымъ быть, когда обращусь въ кости и пепель“¹⁾.

Такимъ образомъ кости и пепель, орошенные виномъ, ароматами и слезами собирались въ особыя урны (urna—ossuaria—cineraria)²⁾, то-есть, сосуды для костей и пепла. Урны были небольшіе сосуды изъ золота, серобра, мѣди и глины. Иногда онѣ заранѣе приготовлялись³⁾. Кости императора Траяна, по свидѣтельству Светонія, были собраны въ золотую урну и похоронены въ городѣ въ особомъ мавзолеѣ. Поэтъ Проперцій назначаетъ своимъ костямъ покониться въ глиняной урнѣ. „Когда огонь испепелитъ меня, говоритъ онъ, мои останки (meos manes) приметъ *милая юршичекъ*“ (parvula testa)⁴⁾.

Урны ставились въ склепы или гробницы (sepulchrum)⁵⁾, гдѣ были особыя для того ниши (loculi).

Во все время собиранія и убирания костей (sepultura) праефиса продолжала плакать, стонать подъ звуки флейты,—предстоящіе вторили ея воплямъ и рыданіямъ. Когда, наконецъ, устанавливались урны въ гробницахъ,—присутствовавшіе окроплялись очистительною водою и наконецъ праефиса произносила отпущекъ: „ilicet — ire licet — позволяется уходить“. Тогда всѣ расходились при троекратномъ восклицаніи: „прости на вѣкъ (salve, vale aeternum), да будетъ надъ тобою земля легка (sit tibi terra levis!“⁶⁾.

IX.

Гробницы или склепы, какъ и въ наше время, были различны и по своей величинѣ, и по богатству, и по виду. Слѣдуетъ замѣтить, что могильные памятники у Римлянъ вообще отличались роскошью, особенно фамиліные склепы (sepulcra familiaria, haereditaria, gentilia) и мавзолеи⁷⁾. Они обыкновенно выкапывались довольно глубоко въ землѣ сводами, выстигались камнемъ, имѣли двери. Въ стѣнахъ

¹⁾ Tibull. lib. III. Eleg. II.

²⁾ Urna—urere горѣть, ossuaria — os,—cineraria — cinis. См. Kirchn. lib. III. C. VIII p. 366.

³⁾ См. Kirchn. lib. III, cap. VIII.

⁴⁾ Propert. lib. II. Eleg. XII.

⁵⁾ Иначе—*усыпальницы* (requitorium), *памятники* (τὸ μνημα, monumentum), *плѣтный домъ*, *последнее жилище* (sedes, domus, thesaurus, stabula cadaverum—tutulus—vatesophagus) склепы, мавзолеи (великолѣпная, царская гробница).

⁶⁾ Tibull. lib. III. Eleg. II. Propert. lib. I. Eleg. XVII.

⁷⁾ Напримѣръ, мавзолей Адриана въ Римѣ, теперь крѣпость св. Ангела.

были ниши или углубленія (loculi, saruli, arca, solia) для урнъ. „Здѣсь-то, по выраженію Апулея, поселялись на житье испепеленные и обратившіеся въ прахъ мертвецъ“ (quis inhabitabant pulverei et jam cinerosi mortui) ¹⁾. Склепы строились большею частію изъ мрамора, ограждались рѣшетками (serimentis), иногда обсаживались деревьями, большею частію кинарисами. Наружныя стѣны гробницъ и саркофаговъ весьма часто, почти всегда, украшались скульптурными изображеніями (simulacris) иногда цѣлыхъ сценъ: воинскихъ игръ, сраженій, охоты, жертвоприношеній, эпизодами изъ походовъ Геркулеса, адскихъ боговъ и пр. Самая распространенная тема для надгробныхъ украшеній была похищеніе Прозерпины Плутономъ ²⁾. На одной изъ мраморныхъ плитъ, составлявшихъ переднія стороны римскаго саркофага, которыя находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображенъ Плутонъ, сопровождаемый маленькимъ богомъ любви и увлекающій Персефону (Прозерпину) въ подземное царство. За Плутовою колесницей видны три нимфы, въ сопровожденіи которыхъ Прозерпина играла на лугу, когда ее вдругъ похитилъ страшный властитель преисподней. Минерва, принимавшая участіе въ игрѣ дѣвъ, также находится здѣсь. Одна она имѣетъ смѣлость воспротивиться могучему богу и спѣшитъ за нимъ, чтобы вырвать добычу. Мать Персефоны, Деметра (Церера) уже замѣтила отсутствіе дочери. На другомъ концѣ изображенія бѣжитъ она по горамъ и доламъ на колесницѣ, везомой двумя большими змѣями, съ горящими факелами въ рукахъ и ищетъ свою любимую дочь ³⁾.

Искусство, желая оживить надежду на безсмертіе и вмѣстѣ доставить утѣшеніе родственникамъ умершаго, выбирало для саркофаговъ мнѳологическія изображенія, заключавшія въ себѣ указанія на возвратъ изъ преисподней или вообще на счастливую жизнь по смерти. Ни одинъ сюжетъ не былъ такъ приличенъ для этого, какъ похищеніе Прозерпины, этой цвѣтущей дѣвы, увлеченной Плутономъ отъ любящей матери въ царство смерти, но потомъ, по просьбамъ Деметры, получившей отъ Зевеса право проводить жизнь свою — полгода въ нижнемъ и полгода въ верхнемъ мірѣ, такъ что она равно принадлежала и царству смерти и царству жизни.

¹⁾ Apul. lib. IV. Met.

²⁾ См. статью академика Стефани въ V томѣ *Прописей*: «Путеводитель по античному отдѣленію Эрмитажа».

³⁾ «Прописей», т. V.

Въ Эрмитажѣ есть, кромѣ другихъ многихъ, надгробный камень, замѣчательный по своей надписи. Онъ былъ назначенъ сохранить память о четырнадцатилѣтнемъ мальчикѣ Трифонѣ, который изображенъ на немъ вмѣстѣ съ любимой собакой. Надпись гласитъ:

„Ты спрашиваешь, о путникъ,
Что это за камень, что за гробница,
Что это за новое изваяніе видно на камнѣ?
Сынъ Трифона, то же имя носящій,
Четырнадцать лѣтъ бѣжалъ я по стадіи
Жизни и вотъ чѣмъ наконецъ сталъ —
Плита, гробница, камень, изображеніе“¹⁾.

Какъ изображенія на памятникахъ, такъ и надписи (эпитафіи) были разнообразны. Самая обыкновенная — *Dis manibus Sacrum*, то есть, храмъ душамъ усопшимъ. На нихъ также значилось имя, годъ смерти, нерѣдко причина ея, имя того, кто соорудилъ памятникъ. Нерѣдко пишется на плитахъ надгробныхъ: „I. V. F.—V. F. C., то есть, *ipse vivus fecit*“ — самъ заживо себя приготовилъ, — *vivus faciendum curavit* — заживо позаботился сдѣлать, или: *haeres ex testamento fecit* — наследникъ соорудилъ по завѣщанію“²⁾. „Часто исписываютъ надгробные камни стихами“ (*signant carmine saxum*), говорятъ Овидій³⁾. Поэтъ Проперцій проектируетъ себя такую эпитафію.

„Здѣсь лежитъ въ видѣ отвратительнаго праха тотъ, кто когда то былъ рабомъ одной любви“⁴⁾.

Овидій завѣщаетъ сдѣлать такую эпитафію на своемъ памятникѣ:

„Чтобы могъ и торопливый прохожій бѣглымъ глазомъ (*prorepante oculo*) прочесть, такъ вычекани (*caede notis*) на моемъ мраморномъ памятникѣ крупными буквами слѣдующіе стихи: „Я, который здѣсь

¹⁾ «Ζητεῖς, ὦ παροδίτα, τίς ἡ στήλη, τίς ὁ τύμβος,
Τίς δὴ ἐν τῇ στήλῃ εἰκὼν νεότευκτος ὑπάρχει;
Υἱὸς Τρύφωνος τοῦνομα ταύτων ἔχων,
Τεσσαρακαίδεξ' ἔτη δόλιχον βίотου σταδίουσας,
Τούθ' ἀπάντων γέγονα στήλη, τύμβος, λίθος, εἰκὼν».

—«Пропилен» V т. 279 стр., «Путеводитель» акад. Стевани.

²⁾ Kirchm. lib. III. Cap. XI. См. lap. XIII.

³⁾ Ovid. II. Metamorph.

⁴⁾ «Et duo sint versus: qui nunc jacet horridus pulvis
Unius quondam servus amoris erat».

лежу,— поэтъ Назонъ, пѣвецъ нѣжной любви и гибну отъ собственнаго генія ¹⁾).

Горацій упоминаетъ о скрягѣ Стаберин, который завѣщаль на своемъ памятникѣ, вмѣсто всякой эпитафiи, написать разчетъ, кто изъ наслѣдниковъ и сколько получилъ отъ него ²⁾).

Плиній сообщаетъ любопытную эпитафiю: *turba se medicorum perisise*, то-есть, „погибъ отъ множества врачей“ ³⁾).

Особый видъ гробницъ назывался *кенотафъ* (*cenotaphia* — *κενοτάφιον*), то-есть, пустыня или почетныя гробницы ⁴⁾). Такiе кенотафы были двухъ родовъ: почетныя — такъ, напримѣръ, воины воздвигли Друзу на мѣстѣ его смерти въ Галлiи почетный кенотафъ ⁵⁾), или кенотафы устранивались въ память безвѣстно погибшихъ или утонувшихъ въ морѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они замѣняли погребенiе (*funeris instar habet*) и самую гробницу.

Х.

Богатые Римляне хоронили своихъ мертвецовъ близъ большихъ дорогъ.

„Боги да устроятъ, говоритъ Проперцій, чтобы земля прiютила мои кости не тамъ, на торной дорогѣ, по которой снуютъ постоянно народъ, и гдѣ, такимъ образомъ, опошляются (*infamantur*) надгробныя памятники любящихъ. Пусть меня земля прикроетъ со стороны дороги древесною листвою, или совсѣмъ скоронитъ безвѣстный песчаный курганчикъ. Неприятно посреди дороги выставлять свое имя“ ⁶⁾).

Прiюту вѣчнаго покоя прилична тишина, мирное уединенiе, вдали отъ городского шума, на лонѣ природы. Развитые эстетически сыны

¹⁾ Lib. III. Trist. Eleg. III:

Quosque legat versus oculo properante viator
Grandibus in tumuli marmore caede notis:
Hic ego, qui jaceo tenerorum lusor amorum,
Ingenio pereo Naso poeta meo.

²⁾ Horat. lib. II. Sat. III.

³⁾ Plin. lib. XXIX. Natur. Histor. Cap. 1.

⁴⁾ Ὡς τόπος νεκρῶν, μὴ ἔχων νεκρὸν — *honorarius tumulus*.

⁵⁾ Sueton. in vita Claudii.

Tacit. Annal. 1.

⁶⁾ «Di faciant, mea ne terra locet ossa frequenti,
Qua facit assiduo tramite vulgus iter,
Post mortem tumuli sic infamantur amantum,

древней Эллады избирали для могильныхъ склеповъ уединенныя и живописныя мѣста — гдѣ-нибудь въ саду, въ рощѣ или на берегу моря.

Наши лучшіе поэты желали опочить вѣчнымъ сномъ среди природы...

„И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“, —

говорить одинъ ¹⁾.

„Чтобы всю ночь, весь день мой слухъ лежѣя,
Про любовь мнѣ (заснувшему на вѣки) сладкій голосъ глѣзъ,
Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣя
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ, —
поеть другой ²⁾.

— „Потокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота“!

— завѣщаніе третьяго.

Не мудро, если сердце римскаго поэта скорбитъ о тщеславномъ обычаѣ Римлянъ устроить свои могилы на бойкихъ и людныхъ мѣстамъ.

Извѣстно, что всѣ главныя дороги, ведшія въ Римъ, были усыяны памятниками съ такими, между прочимъ, надписями: „взгляни, о путникъ! (aspice, viator)“ — „Кто бы ты ни былъ, идущій по Фламиніевой дорогѣ, не проходи мимо благороднаго мрамора“ (памятника ³⁾) и др.

Для погребенія бѣдныхъ, рабовъ и проч. отведено было общее поле за Эсквилинскими воротами и называлось просто — *ямъ* (*puticuli*). Здѣсь же совершались рукою палача казни преступниковъ. Впослѣдствіи мѣсто это было подарено Августомъ Мекенату, который раз-

*Me tegat arborea devia terra coma,
Aut humet ignotae cumulis vallatus arenae:
Non juvat in media nomen habere via.*

Propert. Eleg. lib. III.

¹⁾ Пушкинъ въ элегій: «Брожу ли я».

²⁾ Лермонтовъ въ элегій: «Выхожу одинъ я на дорогу».

³⁾ «*Quisquis Flaminiam teris viator,
Noli nobile praeterire marmor.*».

вель на мѣстѣ убогаго кладбища свои извѣстные сады. Горацій говоритъ: „И вотъ теперь воткнутая жердь (съ чучелой или трещеткой) пугаетъ птицъ назойливыхъ и запрещаетъ имъ садиться въ новыхъ садахъ. Здѣсь прежде дешевые склепы (*vilis aega*) вмѣщали трупы, выброшенные изъ узкихъ подваловъ. Здѣсь была общая гробница для бѣднаго люда... Теперь можно удобно жить на здоровомъ Эсквилинѣ и гулять въ благоуханномъ климатѣ холма. А прежде грустно было глядѣть на поле, обезображенное бѣлыми костями“¹⁾.

Особныя мѣста были для погребенія младенцевъ (*suggrundaria*) и убитыхъ молніею (*bidental* — рогатка, огороженное мѣсто)²⁾.

Гробницы и мѣста погребенія считались священными и неприкосновенными. „Священны надгробные камни и кто бы осмѣлился развѣять прахъ и потревожить мирный покой костей“? восклицаетъ Квинтиліанъ³⁾.

Оскорбители гробницъ и могильныхъ памятниковъ, выкапывающіе украшения (*spoliatores cadaverum*, τὸν βωρῶχοι) судились какъ святотатцы (*sacrilegi*) и наказывались, по закону XII таблицъ, смертію⁴⁾.

XI.

«Дни поминовенія родителей (*parentalia*—родительскія) древняго происхожденія и еще установлены Нумой въ честь его родственниковъ. Оставшіеся въ живыхъ ничѣмъ болѣе не выразятъ своего святаго уваженія къ памяти умершихъ, какъ благоговѣйнымъ о нихъ воспоминаніемъ».

Аusonіи⁵⁾.

Дни поминовенія были общественныя и частныя — въ каждомъ

¹⁾ «Ast importunas volucres in vertice arundo
Terret fixa vetatque novis considerare in hortis.
Huc prius augustis ejecta cadavera cellis
Conservus villi portanda locabat in area:
Hic miserae plebi stabat commune sepulcrum
Nunc licet Esquiliis habitare salubribus atque
Aggere in aprico spatium, quo modo tristes
Albis informem spectabant ossibus agrum».

²⁾ Объ этомъ см. выше.

³⁾ Quintil declam. X.

⁴⁾ Kirchm. de funerib. lib. III cap XXVI.

⁵⁾ Ausonius in praef. Parentalium:

«Parentalia-antiquae appellationis-hic dies est jam inde ab Numa cognatorum inferis institutus, nec quicquam sanctius habet reverentia superstitum, quam ut amissos venerabiliter recordetur.»

отдѣльномъ семействѣ. Ежегодное общественное поминовеніе (*feralia*¹⁾ усопшихъ происходило въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ частности по каждому новомъ умершемъ въ семействѣ соблюдались *девятый день* послѣ похоронъ (*novendialia*) и *десятый* (*denicalia*).

Десятый день назывался днемъ *очищенія* или *очистительнаго жертвоприношенія* (*exuectae, evectae*). Такимъ образомъ домъ, считавшійся нечистымъ по причинѣ бывшаго покойника, освящался жертвоприношеніемъ и омовеніемъ. Десятый день былъ послѣднимъ днемъ *глубокаго траура*²⁾.

Дни поминовенія праздновались жертвоприношеніями, пирами, играми, возліаніями, возложеніемъ на могилу вѣнковъ, цвѣтовъ.

Въ одной эклогѣ такъ описываются эти поминальныя приношенія (*inferiae*):

„На вѣки прощай, счастливый Мелибей: тебѣ дарить благовоныя листья сельскій Аполлонъ, срывающій лавры. Даютъ тебѣ Фавны, что каждый можетъ: съ виноградной лозы — сочныя грозды, съ поля — хлѣбныя колосья, и съ cadaго дерева — плоды; даетъ долговѣчная Палеса (богиня стадъ) кринки съ пѣнящимся молокомъ. Нимфы несутъ медь, Флора даетъ разноцвѣтныя вѣнки. И самый высокій даръ умершимъ (душамъ) музы несутъ свои пѣсни“³⁾.

Всѣ эти жертвы, возліанія и куренія, по словамъ Тацита⁴⁾, совершались со слезами, воплями и восклицаніями.

На обѣдахъ поминальныхъ (*epulae inferales*) царствовало обыкновенно глубокое молчаніе, дабы отличить трапезу печали отъ другихъ пировъ и чтобы выразить свое благоговѣніе къ тѣнямъ умершихъ, которыя, по вѣрованіямъ древнихъ Римлянъ, присутствовали молча (*si-*

¹⁾ *Feralia* — отъ *fero*, собственно приношеніе на могилу различныхъ веществъ для поминальнаго пиршества, иначе называлось *inferiae*, т. е. жертвоприношенія въ честь умершихъ — *sacrificia, quae diis Manibus inferebant*.

²⁾ См. Kirch. lib. IV. Cap. 1. *Exuectae* отъ *exuo* — *ere*, раздѣвать, снимать одежду (траурную). *Evecto* — выметать, очищать.

³⁾ «Felix, o Meliboe, vale: tibi frondis oderae
Munera dat lauros carpens ruralis Apollo:
Dant Fauni quod quisque valet: de vite racemos,
De campo culmos, omnique ex arbore fruges,
Dat grandaeva Pales spumantia cymbia lacte,
Mella ferunt Nymphae: pectas dat Flora coronas
Manibus hic supremus honor dant carmine Musae.»
См. Kirchm. lib. III. p. 347.

⁴⁾ Tacit. Annal. III.

lentes) на этихъ печальныхъ столованіяхъ. Вотъ почему такая трапеза называлась *silicernium*¹⁾. Обычай запрещалъ чтонибудь ѣсть на поминальной трапезѣ: „oblata Diis Manibus gustare nefas“—т. е. принесенное душамъ умершихъ непристойно вкушать, говорили они, такъ что всѣ кушанья тутъ же сжигались. Вслѣдствіе этого обычая жадные и прожорливые люди называли *bustirâpi*, т. е. ворующие то, что брошено въ огонь во время поминокъ.“ На богатыхъ похоронахъ, особенно при похоронахъ важныхъ сановниковъ, въ поминальные дни устраивались гладиаторскія игры и давались пиры народу (*viscerationes*²⁾). Во время игръ и представленій ставилось кресло (*sella*), на которомъ помѣщалась статуя или изображеніе покойника, въ честь коего давались игры. Нерѣдко такое изображение въ золотомъ вѣнкѣ везено было торжественно на слонахъ къ мѣсту представленій или игръ³⁾).

Срокъ траура (*tempus lugendi*) самый большой,—который, напримѣръ, дѣти носили по родителямъ, жена по мужѣ—продолжался годъ. Въ это время, какъ и у насъ теперь, строго соблюдалось, особенно женщинами, правила, предписываемыя траурнымъ этикетомъ (*mos lugendi, mos lugentium*). Въ числѣ признаковъ траура⁴⁾ была черная одежда (*atrata, pulla toga*), отсутствіе въ туалетѣ какихънибудь украшеній. Трауромъ также строго воспрещалось являться на улицахъ, въ собранія, въ театры и другія общественныя мѣста. Въ траурномъ домѣ не зажигали огня⁵⁾. Высшіе сановники во время траура являлись на площадь, къ исправленію своихъ должностей, безъ знаковъ отличія. Такъ водилось при частномъ траурѣ (*privatus luctus*).

По случаю же смерти важныхъ государственныхъ сановниковъ: консуловъ, императоровъ, особымъ эдиктомъ сената предписывался *общественный трауръ* (*publicus luctus*). Въ это время на нѣсколько дней объявлялось закрытіе присутственныхъ мѣстъ и прекращеніе служебныхъ занятій (*justitium*). Такъ, по случаю смерти Германика, говоритъ Тацитъ, прежде еще сенатскаго эдикта, лишь только разнеслась печальная вѣсть, послышались въ городѣ вздохи, стenanія,

¹⁾ Silco—âre молчать.

²⁾ Liv. lib. XXXIX.

³⁾ Dio lib. LII.

⁴⁾ «Signa tristia.»

⁵⁾ Juvenal. Lat. III. Kirchm. lib. IV. p. 627.

заперлись лавки, дома. Всѣ болѣе душевно, нежели наружно, горевали ¹⁾).

„Суды молчатъ, нѣмые законы остаются безъ отищенія; на цѣлой площади (форумѣ) не видать ни одной пурпурной одежды“, говоритъ одна элегія ²⁾).

ХП.

«Уже самъ (Августъ) творить боговъ и возносить новаго кумира до небесъ. Въ его царствованіе ростеть и увеличивается небо» (т. е. ликъ боговъ).

Матильдъ ³⁾).

Самая высокая степень, которой достигало почитаніе душъ умершихъ въ Римѣ, выразилась въ апоѳеозѣ или причисленіи умершаго къ лику боговъ.

Апоѳеозъ (ἀποθεώσις, consecratio, deificatio) ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Миѳическій и героическій періодъ исторіи каждаго народа богатъ сказаніями (эпосъ) о полубогахъ и герояхъ. Не говоря о Тезеѣ, Геркулесѣ,—всѣ герои Иліады и Одиссеи были полубоги. Фантазія каждаго народа окружаетъ обыкновенно своихъ любимыхъ вождей ореоломъ нечеловѣческой славы. Богатыри, герои народнаго эпоса совершаютъ нечеловѣческіе подвиги, потому что одарены сверхъестественною силою,—силою необыкновенною владѣютъ они потому, что всѣ божественнаго происхожденія, прямо или косвенно, по прямой или боковой линіи, но непремѣнно въ родствѣ съ богами. Исторія древнѣйшая Греціи и Рима, анналы, хроники и лѣтописи другихъ народовъ кишатъ такими полубогами. Ромулъ даже взятъ живой на небо. Отъ этихъ героическихъ почестей (Ἦρωικαὶ τιμαὶ) недалеко было до боготворенія (Θεοποιΐα). И героямъ народнаго эпоса строились храмы, воздавались божескія почести—стали ихъ дѣлать богами (Θεὸν ποιεῖν, ἀποθεοῦν). Такъ было въ Греціи. Подобное „возведеніе въ санъ“ бога было актомъ суевѣрной фантазіи народа.

¹⁾ Tacit, Lib. 1. Annal.

²⁾ Iura silent, mutaeque jacent sine vindice leges,
Aspicitur toto purpura nulla foro.
См. Kirchmann lib. IV.

³⁾ «Jam facit ipse deos, mittitque ad sidera numen.
«Majus et Augusto crescit sub principe coelum.»

Римляне же не ограничивались богопочтениемъ однихъ эпическихъ героевъ, которыхъ подвиги, спустя долгое время, иногда цѣлые вѣка послѣ смерти, народная фантазія разукрашиваетъ безчисленными невѣроятными разказами и причисляетъ къ сонму боговъ. Нѣтъ, апофеозъ у Римлянъ былъ дѣломъ лести современниковъ; тамъ посвященіе въ боги (*consecratio*) совершалось по опредѣленію сената, — *per senatum et populum in deos creatus est* — т. е. „сенатомъ и народомъ причисленъ къ богамъ“.

Первымъ новопосвященнымъ богомъ у Римлянъ былъ Ромуль, а за нимъ слѣдуетъ длинный рядъ боговъ и богинь (*divi et divae*). Этотъ рядъ открываетъ Юлій Цезарь, котораго Августъ возвелъ въ божескій санъ. Вотъ на какомъ основаніи поэтъ называетъ Августа „творцемъ боговъ, умножающимъ ликъ небожителей:“

Такъ совершалось обожествленіе покойнаго чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, по словамъ Геродіана ¹⁾.

„Есть обычай“, говоритъ онъ, „у Римлянъ причислять къ богамъ императоровъ, которые умираютъ, оставляя по себѣ наследниковъ. Въ назначенный для апофеоза день въ цѣломъ городѣ какъ будто замѣчается трауръ, смѣняемый съ какою-то праздничною торжественностью, точно во время похоронъ какого нибудь знатнаго покойника.

„Для этого дѣлается восковое изображеніе посвящаемого (императора), выставляется оно въ *vestibulum* дворца на высочайшемъ ложѣ изъ слоповой кости, устланномъ золотыми покрывами. Съ одной стороны сенаторы, съ другой — знатнѣйшія матроны въ траурной одеждѣ окружаютъ ложе. Въ такомъ положеніи выставленное изображеніе оставалось, какъ и тѣло настоящаго покойника, семь дней. Въ эти семь дней будущій богъ считался опасно больнымъ. Его навѣщали врачи, притворялись обезпокоенными безнадежнымъ положеніемъ больнаго, и, наконецъ, объявляли, что онъ скончался.

„Тогда сенаторы и всадники несли ложе съ восковымъ изображеніемъ на древній форумъ по священной дорогѣ (*via sacra*). Здѣсь на особомъ возвышеніи ставился парадный одръ. Хоры мальчиковъ съ одной стороны, и хоры дѣвочекъ съ другой пѣли гимны въ честь божественнаго покойника. Отсюда шествіе направлялось за городъ на Марсоно поле. Здѣсь устраивался богатый почетный костеръ въ видѣ жертвенника, который имѣлъ форму пирамидальной многэтаж-

¹⁾ Herodiani lib. IV. Kirchn. lib. IV, 636 p.

ной башни. Эта башня внутри была пуста и наполнялась чрезъ двери, которыя были во второмъ этажѣ, различными благовонными, удобосгораемыми веществами. Снаружи обтягивалась башня парчевыми матеріями, украшеніями изъ слоновой кости и различными рисунками. Во второмъ этажѣ этого жертвенника (башни) ставилось восковое изображеніе на своемъ ложѣ. Со всѣхъ сторонъ на перерывъ обливали его благовоніями, осыпали цвѣтами, наполняли все пространство вокругъ ароматными курительными веществами. Когда все было готово для горѣнія,—начинались воинскія игры. Сословіе всадниковъ, подъ предводительствомъ особыхъ церемоніймейстеровъ, которые разодѣты были въ пурпуровыя тоги и на лицѣ имѣли маски знаменитыхъ полководцевъ, особымъ маршемъ нѣсколько разъ объѣзжало кругомъ костра. По окончаніи парада воинскаго, преемникъ обожествляемаго императора первый беретъ зажженный факель и подкладываетъ его подъ костеръ (башню); за нимъ другія знатныя лица поджигаютъ съ другихъ угловъ. Когда пламя обниметъ костеръ, извнутри верхняго этажа башни выпускается орелъ, который будто бы уносилъ душу новопосвященнаго бога къ престолу Юпитера*.

Съ этой минуты извѣстное лице считалось богомъ или богиней. Имени ихъ посвящались храмы съ особымъ причтомъ жрецовъ и весталокъ, ставились жертвенники, имъ пѣлись божественныя гимны и молитвы (*saliaria carmina*), именемъ ихъ клялись, словомъ, новые боги вступали во всѣ свои права.

А. Родонезскій.